

Дмитрий Валовой

Экономист Дмитрий Валовой: «Нынешняя мировая экономика - это аферы и спекуляции»

Ученый, предсказавший развал советского хозяйства, призывает власть к изменению либеральной модели экономики - иначе погибнем вместе с мировым капитализмом.

Мир в очередной раз стоит перед экономическим кризисом. Капитализм, поставивший перед собой задачу к концу столетия преодолеть кризис, провалился. Вспыхнул финансовый кризис, который привел к падению мировых рынков, снижению уровня жизни и массовой безработице. Вспыхнул кризис в странах с переходной экономикой. Вспыхнул кризис в странах с развитой экономикой. Вспыхнул кризис в странах с развивающейся экономикой. Вспыхнул кризис в странах с переходной экономикой. Вспыхнул кризис в странах с развитой экономикой. Вспыхнул кризис в странах с развивающейся экономикой.

будущее. В 1985 году я обратился к Горбачеву с письмом, показав, что экономика страны находится на грани распада, и предложил меры для его предотвращения.

ГЕНСЕКУ ПОДСУНУЛИ ФАЛЬШИВЫЕ СПРАВКИ

- Что вас так насторожило в Горбачеве, когда он только только пришел к власти?

- У Горбачева были хорошие идеи, но он стал авантажить и так называемое ускорение. Это был явный выходящий уровень ВВП. То же повторилось уже 40% в советский период. Это была политика, которую проводил Брежнев. У Горбачева были хорошие идеи, но он стал авантажить и так называемое ускорение. Это был явный выходящий уровень ВВП. То же повторилось уже 40% в советский период. Это была политика, которую проводил Брежнев.

сегодня в США, только четверть ВВП будет создаваться в реальном секторе, остальное липа. Наши либералы зашорены, они не хотят видеть и слышать то, что делается вокруг, и снова тянут нас к краху. Увы, если они и дальше будут определять нашу экономическую политику, к 2020 году мы придем к новому дефолту. Жаль, это понимают не все. Именно поэтому я и специальный раздел посвятиваям политике экономии.

- Назовите Маркса?
- Не только, я верю, что можно изменить ситуацию, но для этого нужны серьезные усилия.

Дмитрий Валовой родился 30 мая 1927 г. Участник Великой Отечественной войны. 15 лет был первым замом главреда «Экономической газеты», 16 лет работал замом главного редактора «Правды», член Комитета народного контроля СССР. Опубликовал десятки книг, около 300 статей. Сегодня - завкафедрой экономической теории Академии труда и социальных отношений.

Но чтобы скрыть отток капитала из реальной экономики и спекулятивную сферу, американские экономисты создали искусственный рынок ценных бумаг (ИРСЦ) - рынок ценных бумаг, который не имеет реального содержания.

то эскура. Ведь наши беды начинаются с того, как советскую и перестроить нашу экономику так, как это и было бы в идеале. Это означает, что мы должны отказаться от всех старых идей и начать строить новую экономику.

О ЧЁМ НЕ ДУМАЮТ ЭКОНОМИСТЫ

Дмитрий Валовой

О чем не думают экономисты

«Алисторус»

2017

УДК 338 (470+571)
ББК 65.9

Валовой Д. В.

О чем не думают экономисты / Д. В. Валовой — «Алисторус»,
2017

ISBN 978-5-906947-29-1

В последнее время получила известность книга «О чем думают экономисты. Беседы с нобелевскими лауреатами». Но есть вопросы, о которых даже нобелевские лауреаты не догадываются, но которые являются исключительно важными. Так, книга известного российского экономиста Д.В. Валового посвящена актуальной проблеме предотвращения краха мирового хозяйства. Выводы и предложения автор иллюстрирует конкретными примерами, приводит выдержки из своих работ и комментирует письма по этим проблемам, направленные Владимиру Путину, Дональду Трампу и Папе Римскому Франциску I. Повесть написана простым языком, в ней много ярких иронических сравнений и замечаний.

УДК 338 (470+571)

ББК 65.9

ISBN 978-5-906947-29-1

© Валовой Д. В., 2017

© Алисторус, 2017

Содержание

Российский Нострадамус[1]	6
От автора: «от Монкретьена к кретинизму»	7
«Экономика абсурдов и парадоксов»	9
«Сталин отменил смертную казнь, а Валовой применил...»	9
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Дмитрий Валовой
О чём не думают
экономисты. Научная повесть

© Валовой Д.В., 2017

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

* * *

Российский Нострадамус¹

*Никогда не происходило великих потрясений, которые не были бы
предсказаны
Никколо Макиавелли*

В наше время среди немногих отечественных прорицателей трагического развала Советской сверхдержавы был автор этой книги – человек, прошедший войну, партийный журналист и известный экономист. В этой связи процитируем «Российскую газету»:

«Наиболее острый и глубокий критический анализ состояния советской экономики делался, между прочим, не агентами ЦРУ или диссидентами, а на страницах центральных изданий. Прославился своими аналитическими статьями в семидесятые годы заместитель главного редактора “Правды” Дмитрий Валовой. Именно он назвал хозяйственную систему периода развитого социализма “Экономикой абсурдов и парадоксов”».

Подтверждением этого являются сами названия его книг советского периода: «Экономика абсурдов и парадоксов», «Абсурд в квадрате», «От застоя к развалу», «Тайны Овального зала Кремля». Вывод автора тогда был категоричным: «Если в системе управления экономикой не будут сделаны серьезные изменения, то к середине 90-х годов народное хозяйство развалится. До 2000 года не дотянем!» Развалилось оно еще раньше. После этого лауреат Нобелевской премии В.В. Леонтьев назвал Валового «Российским Нострадамусом». Журналисты использовали этот титул в интервью и рецензиях работ Валового.

Свою принципиальность, честность публициста он не утратил и при новой власти. В феврале 1992 года Дмитрий Валовой опубликовал в «Правде» статью «Гайдаровская “бомба” для экономики», в которой утверждал, что «шоковая терапия» в России побьет все мировые рекорды по спаду производства, росту безработицы и падению жизненного уровня. К сожалению, и на этот раз его прогноз с лихвой подтвердился. Прошло 20 лет, а уровень экономики 1990 года до сих пор не восстановлен.

Особенность научных работ Д.В. Валового в области экономики состоит в том, что в них ставятся не только верные диагнозы экономических недугов, но и предлагаются рецепты для их излечения.

---

¹ Это предисловие президента Академии труда и социальных отношений, доктора экономических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Н.Н. Гриценко к книге «Реформы» ИД АТиСО (2012).

От автора: «от Монкретьена к кретинизму»

История и опыт учат, что народы и правительства никогда ничему не научились из истории и не действовали согласно поучениям, которые можно было бы извлечь из нее.

Гегель

Двадцать лет назад в статье «От Монкретьена к кретинизму»² доктор экономических наук, профессор, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области образования, мой верный друг и жена Генриетта Евгеньевна Лапшина предупреждала: «Если гайдаровский погром кафедр политэкономии будет продолжаться и мы ликвидируем эту науку, то к 400-летию трактата Монкретьена “Политическая экономия” в 2015 году мы придем от Монкретьена к... кретинизму».

Погром кафедр завершен. Политэкономия ликвидирована. Сегодня по образу и подобию Запада и в России кретинизм расцвел пышным цветом. Антуан Монкретьен задолго до того, когда пушкинский герой объяснил «почему не нужно золото ему, когда простой продукт имеет», писал: «Не обилие золота и серебра, не количество жемчугов и алмазов делают государство богатым, но наличие предметов, необходимых для жизни и для одежды, у кого их больше, у того и больше состояние... Воистину у нас стало больше золота и серебра, чем у наших отцов, но мы не стали зажиточнее и богаче».

А сегодня кретины включают в богатство не только золото, но и бумажные денежные купюры, облигации и акции. Теперь мы печатаем сколько угодно подобных разноцветных бумажек, но разве мы от этого богатеем?

Интервью о горбачевском «ускорении», которое ускорило развал Советского Союза, я назвал «Абсурд в квадрате». Мне тогда казалось накручивание «воздушного вала» просто безумием. Отсюда и заголовок – не просто абсурд, но «Абсурд в квадрате». Книгу о хозяйственной системе, изданную еще в эпоху Горбачева, я назвал «Экономика абсурдов и парадоксов»³. Но все познается в сравнении. На фоне того, что творят сегодня кретины с экономикой, советские пороки представляются детской шалостью. «Воздушный вал» серьезно снижал эффективность экономики, но он накручивался в производстве. А теперь кретины накручивают фальшивый ВВП всюду и везде – в школах и больницах, в развлекательных шоу и кабаках, храмах и ритуальных заведениях. Своей абсурдностью кретинизм затмил не только науку, но и здравый смысл.

В повести показано, что в процессе вульгаризации экономической науки и маскировки вырождения капитализма и либерализма фундаментальные понятия подлинной науки извращены коренным образом. «Рыночная экономика» стала синонимом капитализма, а «глобализация» – синонимом империализма. Неолиберальная система является **экономикой афер и спекуляций**. Ее альфой и омегой является извращенный рынок, в маске которого орудует выродившийся спекулятивно-мошеннический капитализм. Но рынок нынче обожествлен и превращен в «священную корову». Раньше все «давал» Бог, а теперь – рынок.

Экономика афер и спекуляций ныне является «высшим достижением науки». Для ее облагораживания и пропаганды используются высокотитулованные ученые и мощные средства массовой информации. Ярким примером этого является книга «О чем думают экономисты. Беседы с нобелевскими лауреатами»⁴. Собеседники думают и говорят о всякой всячине.

---

² Правда. 1995. 18 июля.

³ Валовой Д. Экономика абсурдов и парадоксов. М.: Изд-во полит. литературы, 1991. 432 с.

⁴ О чем думают экономисты. Беседы с нобелевскими лауреатами. М.: Альпина, 2016. 490 с.

Поэтому проще сказать, о чем они не думают. Ниже я это покажу на конкретных проблемах. Но в целом можно утверждать, что они не думают о подлинной экономической науке, о ликвидации узаконенных афер и спекуляций и о построении социального государства. Центром притяжения их бесед являются свободный рынок и монетаризм.

Преклоняясь перед Западом, наследники Гайдара – Мау, Ясин, Кузьминов и иже с ними – с завидным упорством продолжают монтеристскую политику выталкивания государства из экономики и приватизации всего и вся. Невежество и мошенничество в экономическом образовании поставлены на поток. Главной трибуной распространения кретинизма является гайдаровский форум. Теперь и в России менее 5 % рыночных операций отражают движений товаров и услуг, а 95 % сделок – это аферы, спекуляции и мошенничество. Предлагаемые на этой порочной основе «стратегии» развития «кудринцами» и «столыпинцами» заведомо обречены. Давно доказано, что подлинная наука начинается лишь тогда, когда определен достоверный измеритель. Без меры нет науки. Поэтому без отказа от фальшивого ВВП и категорического запрета узаконенных афер, спекуляций и мошенничества стабилизация и развитие экономики будут недостижимой мечтой.

Мне довелось быть участником всех советских реформ от Хрущева до Ельцина. В меру своих сил я пытался предотвратить развал Советского Союза. Теперь это история. Но я кратко рассказал о ней в повести потому, что это очень актуальная история. Сегодня по этому же сценарию разваливают и мировое хозяйство, что может привести и к краху нашей цивилизации.

Свое виденье путей предотвращения краха я подробно изложил в книгах, статьях и документальных фильмах. В повести я привожу лишь наиболее актуальные ныне выдержки с комментариями работ за 65 лет научно-практической деятельности.

«Экономика абсурдов и парадоксов»

*Глупец в неведение своем
Разрушит вмиг
То, что таким большим трудом
Мудрец воздвиг.*

«Мысли древних»

«Сталин отменил смертную казнь, а Валовой применил...»

– Вы жили при Сталине. Расскажите вкратце о той эпохе и о себе, – попросили меня в кружке любознательных, который я вел в Академии по субботам вне расписания.

На долю моего поколения выпало немало героических и трагических событий, изменивших ход истории. Важнейшим из них, безусловно, является победа в Великой Отечественной войне, избавившая мир от фашистской чумы. Тревожную юность поколения образно выразил замечательный поэт-блокадник Ленинграда Юрий Воронов:

«В блокадных днях
Мы так и не узнали:
Меж юностью и детством
Где черта?
Нам в сорок третьем выдали медали
И только в сорок пятом – паспорта».

Первую медаль я заслужил в 1943 году на трудовом фронте, а паспорт получил восемь лет спустя, после демобилизации.

В любой эпохе есть позитивное и негативное. В одной эпохе превалирует первое, в другой – второе. Властители, желая приукрасить свои заслуги, как правило, выставляли «на свет» все худшее, что отличало время правления их предшественников, однако спустя годы история ставит все на свои места. В социальной жизни эти оценки еще больше осложняются и становятся противоречивее: то, что для одних является позитивным, другие воспринимают как отрицательное явление. Что сказать о себе?

Родился я в городе Белореченске в мае 1927 года. Мой отец, Василий Петрович, в то время работал бухгалтером в железнодорожном депо, а мама, Татьяна Васильевна, была домохозяйкой. Мама – коренная кубанка – не скрывала желания вернуться на хутор. А папа был «иногородним»: в поисках лучшей доли его родители с Черниговщины перебрались на Кубань. Когда началась коллективизация, из создаваемого колхоза имени Сталина, объединившего 15 хуторов, пригласили папу бухгалтерствовать. Так мы оказались на одном из дальних хуторов Некрасов рядом с хутором Бережной, где жили родители мамы.

Кстати, о хуторах. В начале перестройки много критиковалась сама идея ликвидации неперспективных деревень – читай, хуторов. В этой проблеме много надуманного и спорного. Дело в том, что в абсолютном большинстве их ликвидировала сама жизнь и задолго до того, как стали известными имена академиков, которым приписывается «авторство». Вот представьте наш колхоз – самый большой в районе: из 15 хуторов половина имела от 30 до 50 дворов, а другая половина – от 4 до 10 дворов. Зимой и в распутицу связь малых хуторов с внешним

миром прерывалась. А каких трудов стоило провести радио, электричество при такой разбросанности. Хутора, как и города, строились вдоль речек, а некоторые и от речки были удалены на 2–3 километра. У нас протекала небольшая речка Гончарка, впадавшая в реку Белую, приток Кубани. Весной она разливалась сильно, а летом пересыхала настолько, что кое-где приходилось делать заставы, чтобы можно было напоить животных. В этих хуторах были две школы: трех-, четырехклассные. Средняя школа была за шесть километров – в селе Воронцово-Дашковское. Летом и осенью мы ездили туда на велосипедах, а зимой приходилось снимать жилье на месте, неподалеку от школы. Вот так и протекала жизнь до тех пор, пока не грянула война. Известие о войне дошло до нас в тот день, когда мы, как обычно в летние каникулы, работали в колхозе. В каждой бригаде были детские ясли. Работал общеколхозный пионерский лагерь. 22 июня 1941 года мы на лошадях возили зерно от комбайнов на ток. И здесь во время разгрузки возница, доставивший с хутора воду, рассказал, что по радио передали о начале войны. Кто не связан был с работой комбайнов, поспешили в правление колхоза разузнать все поподробнее. Вскоре отца призвали. В 1943 году ушел в армию старший брат, Алексей, а в 1944 году наступил и мой черед.

Меня, как и многих моих земляков, направили в школу снайперов Северо-Кавказского военного округа, располагавшуюся на окраине Майкопа. Школа эта имела добрые традиции: многие ее выпускники уже были Героями Советского Союза, их портреты украшали ленинские комнаты, где проводились политзанятия. Курсанты жили в бывших конюшнях, так как до войны здесь размещался кавалерийский полк. Деревянные нары в 3 этажа, матрасы и подушки, набитые соломой. Зима была холодная, а «отопление» естественное: согревались, прижимаясь друг к другу. Когда рота выстраивалась на плацу, трудно было представить, как все мы втискивались в эту небольшую казарму. Подъем затемно, в 6 часов. Физзарядка, и умывались ледяной водой в реке Белой. После завтрака – на стрельбище за три километра. После обеда – чистка оружия, теоретические и политические занятия.

Поскольку перелом в войне уже наступил, мы слышали от своих наставников, что, возможно, некоторым из нас посчастливится штурмовать Берлин. Мы по-настоящему мечтали о такой возможности. Сразу по окончании школы нас перевезли на Малую землю под Новороссийском. Мы были наслышаны о героизме ее защитников. Но то, что мы там увидели, действительно достойно высоких слов. Сюда на формирование перед отправкой на фронт прибыли выпускники многих других школ и училищ Северо-Кавказского и Закавказского военных округов. Первые весенние месяцы 1945 года были теплыми. Жили в палатках и землянках. Но однажды ночью налетел шквальный норд-ост – такое нередко бывает в Новороссийске. И буквально смел с земли палатки. Многие остались вообще без обмундирования и документов, в землянках мало что уцелело. Практически формирование оказалось парализованным: требовалось время, чтобы восстановить всю документацию, доставить новое обмундирование. Временно нам вернули со складов ту самую амуницию, в которой мы ползали во время учебы. Внеплановая поставка серьезно задержалась, а когда наконец-то повторное формирование завершилось, то наши войска уже окружили Берлин, и там нам, конечно, было уже делать нечего. Такой поворот событий многих ребят очень расстроил, некоторые даже не скрывали слез.

Вскоре нас погрузили в товарняки, и состав направился совсем в другую сторону, куда, не объявили, но мы удалялись все дальше и дальше на юг. Выгрузились в Баладжарах, под Баку. Установили походные кухни, разбили лагерь и дней через десять пешком строем отправились в порт Баку – на погрузку. Уже на пароходе нам объявили, что плывем в Иран. На первый взгляд, это могло показаться странным: ведь Иран не участвовал в войне. Но дело в том, что договором 1925 года предусмотрено, что в случае угрозы со стороны южного соседа мы имели право ввести туда войска. Как известно, в 1942 году немцы попытались прорваться через Кавказ и захватить азербайджанские нефтяные промыслы, остававшиеся практически

главным и единственным поставщиком горючего. Потерять Баку означало резкое ухудшение положения на фронте. Поэтому, несмотря на все попытки гитлеровцев, на азербайджанскую столицу не упала ни одна вражеская бомба. Баку охранялся в этом плане даже надежнее, чем Москва и Ленинград. Кто был в Баку, видел сплошной лес нефтяных вышек, которые располагались буквально в 20–30 метрах одна от другой. В старых нефтяных районах мелкие качалки располагались в 50 метрах одна от другой. В окрестностях города, в районах нефтепереработки нефть текла по улицам. И попади сюда даже несколько бомб, сплошной огненный факел горел бы не один месяц.

После провала кавказской операции немцы решили достичь Баку через Иран. Туда было заброшено много фашистских военных специалистов и ряд подразделений. Число их здесь неуклонно росло. Прибыла и группа высокопоставленных военных чинов, что не могло ускользнуть от нашей разведки. По ее информации, выбрав момент, в одну из ночей армия генерала А.А. Лучинского вошла на территорию Ирана. Захваченные в плен немецкие генералы, офицеры и солдаты свидетельствовали о наличии фашистской угрозы. Были приняты меры для защиты Баку с юга. Это имело огромное стратегическое значение еще и потому, что через Иран в Советский Союз шли поставки техники и снаряжения по ленд-лизу.

Пароход доставил нас в Бендер-Шах. Здесь в лагере для карантина мы стали нести первые потери... от тропической малярии. Не обошла она и меня, но, к счастью, санитар, грузивший трупы, обнаружил, что я еще не отдал Богу душу. Очнулся в госпитале в Сари, где дислоцировалась наша дивизия.

В конце войны правительство Мосаддыка попросило у СССР помощи в ликвидации иранской фашистской партии. То была необъявленная акция, и поэтому нас долгие годы не признавали участниками войны. Советские войска покинули Иран, как и обусловлено было договором, через год после окончания войны. Наша дивизия морем прибыла в Махачкалу на расформирование. Основную часть личного состава направили на Курилы, а группа примерно в двести человек занималась еще месяца два-три ликвидационными делами. После этого мы поступили в распоряжение Бакинского военного округа. Меня направили в танковый полк, размещавшийся в Сальянских казармах на тогдашней окраине Баку, которая ныне достигла Баладжар. Формировался этот полк в Тбилиси. Поэтому подавляющее большинство личного состава было грузинами, а командовал нами полковник Колхидашвили. На вооружении были новейшие самоходные установки Су-152 и тяжелые танки «Иосиф Сталин». Первоначально полк предназначался для возможного отражения нападения Турции, которая, как и Япония, обещала Гитлеру вступить в войну на стороне Германии после падения Сталинграда.

В штабе полка я встретил знакомого по Ирану капитана Бондарева, который пригласил меня к себе старшиной батальона. Через несколько месяцев Бондарев познакомил меня с начальником снабжения полка Андреем Варламовичем Скляровым, который пригласил меня заведовать продовольственными складами. Предложение я решительно отверг: дело незнакомое, да и опасное. Он начал убеждать, что там, мол, есть материально ответственные лица, а ваша работа – это контроль. Больше ничего от вас, собственно, и не требуется.

– А куда уходит нынешний заведующий Церцвадзе? – поинтересовался я.

– По возрасту он подлежит демобилизации, но попросил оставить его на сверхсрочную службу. Оставлять его в прежней должности я не могу по ряду причин, а на другую он не соглашается. Поэтому мне очень нужен для его замены честный человек.

В общем, они вдвоем меня уговорили. А еще через несколько месяцев, когда на Склярова пришел вызов из Германии, меня назначили временно на его место. И тут случилось ЧП: кладовщик основного продуктового склада Георгий Уваров заявил, что у него крупная недостача. Пошли на склад разбираться. Он показал мне, что воровали так, чтобы внешне было незаметно. Кража обнаружилась случайно. При выдаче дополнительных пайков к майским праздникам 1947 года не хватило шоколада и бекона. По моему представлению командир полка разрешил

взять часть этих продуктов из неприкосновенного запаса (НЗ) с последующим их возвратом в месячный срок. Воры действовали расчетливо: с внешней стороны коробка была полной, а с той, что у стены, вместо 4 банок – пустое место. Те же махинации и с шоколадом. Кража в крупных размерах. Такое количество можно увезти только на машине. Что делать? Заявлять?

– Давай, – говорю, – подумаем, как это могло произойти?

Склад размещен в бывшей конюшне. Стены каменные, высокие, сверху маленькие зарешеченные окна для света, значит, утащить могли только через двери. Но днем невозможно сделать это: дверь выходит на центральную площадку для построения полка перед разводом. На противоположной стороне – трехэтажное здание штаба полка. Рядом с дверью склада примерно такая же дверь – вход в клуб полка, самое оживленное место от подъема и до отбоя. у вечером и ночью у склада часовой с автоматом. Обновление НЗ производилось полгода назад. Уваров лично устанавливал полные ящики. После долгих обсуждений пришли к выводу: надо по очереди ночевать на складе, взяв на всякий случай мой пистолет, и держать это в строгом секрете. В 18 часов один из нас оставался в складе, а другой, опломбировав дверь, шел в караульное помещение, расписывался в приеме-сдаточной ведомости и возвращался с разводящим и часовым для сдачи складских дверей. День работать, а ночью прятаться на мешках с крупой было очень нелегко, да и не покидали сомнения в успехе операции. Но неожиданное происшествие в полку прибавило нам сил. В размещавшемся в этом же здании рядом с нами вещевом складе тоже обнаружилась кража, причем тоже совершенно случайно. Накануне заместитель командира полка подполковник Шарипов выбрал себе сапоги, китель, брюки, фуражку, ремень – то, что положено было по срокам носки. За этими вещами должен был зайти с накладной через день его адъютант. Когда тот появился, выяснилось, что отобранные Шариповым вещи исчезли. Кладовщика взяли под стражу: днем он работал, а на ночь отправлялся на гауптвахту. Проведенная ревизия выявила крупную недостачу. Началось следствие, а мы с новой надеждой продолжили свою вахту.

Однажды заходит ко мне Уваров. Совсем убитый.

– Что еще случилось? – спрашиваю его.

Молча подал газету и сказал: читай. В газете напечатан Указ Президиума Верховного Совета СССР от 25 мая 1947 г. об отмене смертной казни и продлении срока заключения с 10 лет до 25 лет (вскоре жизнь заставила отменить этот указ).

– Лучше быть невинно расстрелянным, чем маяться 25 лет по тюрьмам, – грустно сказал он, когда я прочитал указ.

Я его подбодрил, тем более что, как мне казалось, появилась «ниточка». Дело в том, что, внимательно просматривая постовые ведомости, я обнаружил такую закономерность: когда третий батальон заступает в караул, один и тот же солдат охраняет во вторую смену один из складов. Несколько раз он стоял у нашего продовольственного, затем у вещевого, еще раньше у склада вооружения. В ночь с 10 на 11 июня 1947 г., оставаясь в складе, я сказал Уварову: «Сегодня заступает в караул третий батальон. Если “подозреваемый” во вторую смену дежурит у нас, дай мне знать стуком сапога в дверь. Значит, на посту. Это условный сигнал». А буквально через час после того, как Уваров сдал склад, его вызвали к замполиту, полковнику Мамаеву. Он человек в полку новый. Высокий, стройный красавец. По слухам, занимал в Москве генеральскую должность. Но за амурные дела, что тогда строго каралось, он оказался в Баку с серьезным понижением. Мамаев спросил его: «Где Валовой?» Уваров ответил: «Я не знаю, он уже уехал». – «Бери машину и ищи его». В такой ситуации Уварову нельзя было не ехать. Когда Уваров вернулся, у Мамаева сидели заместитель командира полка Шарипов и начальник штаба Казначеев. Уваров доложил, что меня не нашел. «Ну, хорошо, тогда садись и слушай, – недовольно заявил Мамаев. – Мы располагаем сведениями о том, что вы с Валовым занимаетесь хищением продуктов, ведете развратный образ жизни. В последнее время Валов-

вого вечерами в полку никто не видел, никто не знает, где он, чем занимается. Да и вы тоже... В общем, завтра начнем ревизию склада».

Между тем, ничего не ведая об этом, я продолжал сидеть в «засаде». Но, видимо, вымотавшись за день, я уснул. Проснулся от шума: кто-то бежит с фонариками, вытаскивают что-то. Пригнув голову за мешки, я начал стрелять в полной темноте. На минуту-две все стихло, а затем послышалась автоматная очередь. Слышу, прибежал начальник караула, и часовой ему что-то объясняет. Тогда я обнаружил себя и предложил вызвать Уварова и вскрыть склад. Но тот, как выяснилось, сам прибежал на выстрелы и через дверь сообщил мне, что пломба и замок на месте. Я предложил посмотреть повнимательнее, как они могли пролезть в склад. Лаз обнаружили сразу. Дверь легко выходила из паза и с помощью ломика, висевшего рядом на пожарном щите, ее снимали с навеса и отводили назад. В результате внизу образовалась большая дыра, в которую можно было вытаскивать все, что угодно.

Часовой так объяснял ситуацию: «Я на минутку отошел к другому караульному, но услышал шорох, тотчас вернулся и, увидев эту дырку, понял, что туда кто-то проник, поэтому стал стрелять». Как только началась стрельба, дежурный по полку объявил тревогу, и к моменту вскрытия склада появилось начальство. Когда включили свет, увидели убитого. Одна из моих пуль настигла преступника в тот момент, когда он присел за барьером перед выходом. Что касается пуль часового, то они «прошили» мешки с крупой, из-за которых я стрелял. Убитый был в комбинезоне и майке. Начальник штаба Казначеев его сразу узнал. Наш сверхсрочник механик-водитель из третьего батальона. На его квартире обнаружили и украденное обмундирование, и остатки шоколада и бекона, и вещественные доказательства посущественнее: два пистолета ТТ, числившиеся по описи на оружейном складе.

После завершения экспертизы на месте происшествия я ушел к себе в комнату отдохнуть. Где-то около часа вызвали меня к следователю, в здание штаба. Я его сразу узнал по особым приметам: низкого роста, толстый, с большой лысиной и длинным носом. Я видел его на проводах Склярова. Мы уже собрались расходиться после прощального обеда, когда появился этот следователь – подполковник, чтобы договориться о покупке автомашины у Склярова. Войдя к следователю, я представился. Он, не отрываясь от бумаг, предложил присесть. Пауза длилась несколько минут. Затем он, пронзив меня взглядом, издевательски заметил:

– Значит, выходит, товарищ Сталин смертную казнь отменил, а Валовой применил...

Он имел в виду недавно опубликованный указ. Я не мог сдерживать себя и отчеканил:

– Товарищ подполковник! Видимо, вы не знакомы с результатами экспертизы, о чем нам с вами в таком случае говорить... До свидания.

Отдав честь, я развернулся и вышел. Добравшись до своей кровати, лег, не раздеваясь. Примерно через полчаса в моей комнате появились полковник Мамаев и адъютант командира полка старший лейтенант Городецкий.

Я хотел было встать, но Мамаев опередил мои намерения:

– Лежите, лежите...

Он взял стул и подсел ко мне. Пока обдумывал, с чего начать неприятный разговор, я как-то непроизвольно жалобно произнес:

– Товарищ полковник, мне очень плохо, помогите.

Он дотронулся ладонью до моего лба:

– Да у вас высокая температура...

Отправив адъютанта за дежурным врачом, поинтересовался, что у меня болит. Я рассказал о жутких болях в правом боку, мучавших меня уже более двух недель. На вопрос, почему же я не обратился в медсанчасть, пришлось объяснить, что это сорвало бы нашу засаду на складе. Недостача была бы еще больше, а в итоге невинные кладовщики получили бы солидный срок. А вчера, как мне стало известно, вы говорили Уварову о моей «развратной» жизни. Думаю, и для меня нашлась бы статья Уголовного кодекса...

– Теперь эти клеветники у меня попляшут, – прервал меня Мамаев.

Появившиеся вскоре медики поставили диагноз: запущенный плеврит. Температура 39,6.

– Сколько же ночей вы провели на складе? – поинтересовался полковник.

– Полтора месяца по очереди с Уваровым валялся на мешках с крупой. По ночам было сыро и холодно.

По распоряжению Мамаева меня срочно отправили в госпиталь. Здесь меня регулярно навещали Уваров и кладовщик вещевого склада, видевшие во мне своего спасителя. Наведался и посланник Мамаева, который сообщил, что по выписке мне предоставят месячный отпуск. Но самым неожиданным был визит довольно пожилого азербайджанца в сопровождении лечащего врача. Он оказался директором крупного военоторговского магазина в Сальянских казармах. Вот что он рассказал:

– Услышав о вашей успешной засаде, я тут же нанял милиционера на скрытые ночные дежурства. Дело в том, что в последние полгода росла недостача. Днем у всех на виду воровать не могли, ночью магазин охранял сторож, располагавшийся в стеклянном тамбуре перед входом. Уже на втором своем дежурстве милиционер стал свидетелем такой сцены: глубокой ночью сторож открывает магазин, заходит, выпивает рюмочку коньяку, закусывает, похозяйски медленно обходит «владения», наполняя довольно приличную кошелку, естественно, самыми дорогими товарами. Затем опять выпивает рюмку, закусывает, и уже собрался уходить, как милиционер остановил его, включил свет: «Теперь сиди, а я буду охранять».

– Сейчас в магазине все в порядке. И вот узнав, что вы в госпитале, решил навестить, лично познакомиться. Привез кагор, коньяк и всякую снедь. Кушайте с напарником, на здоровье.

Но беда, как говорится, не приходит одна. Вернувшись из отпуска, я узнал, что у нас новый начальник продовольственного снабжения – капитан Сироткин. Поскольку полк подчинялся округу, мы отправились с ним на поезде в Тбилиси для сдачи очередного отчета; он, кроме того, должен был предстать перед заместителем командующего округом по тылу. По дороге в Тбилиси в нашем открытом «купе» ехали незнакомые капитан и майор. Я залез на верхнюю полку и улегся. Сосед – капитан – спросил у своего майора:

– Вы успели прочитать новый приказ по округу?

– Нет, – ответил тот.

И тогда капитан начал пересказывать приказ командующего округом о ЧП в танковом полку. Сидевший напротив Сироткин не выдержал и заметил, что это произошло у нас. И, пересказав коротко «сюжет» событий, объявил: «Да, на верхней полке тот, кто был в засаде». Попутчики предложили пригласить меня к столу и выпить за знакомство. Сироткин объяснил им, что я не пью вообще и на эту тему не люблю говорить. Они пили всю дорогу и почти не спали.

Поезд прибывал в Тбилиси поздно ночью. Поскольку с гостиницами были проблемы, решили до утра просидеть в воинском зале ожидания на вокзале. Подобрали подходящее место, Сироткин остался, а я вышел прогуляться. Вернувшись, застал его беседовавшим с высокой худощавой грузинкой неопределенного возраста. Она предложила переночевать у нее. «Я женщина бедная, спасибо скажу, если немного заплатите или дадите продуктами. Вчера племянник из деревни привез крепкую чачу, угощу вас». Мы зашли во двор вместе с хозяйкой и спускались по крутой лестнице в явно нежилое помещение, где стоял полумрак. Она, болтая с Сироткиным, начала готовить чай, поставила на стол чачу. Я подошел к стоявшим кроватям, очень жестким, застланным старыми простынями и каким-то тряпьем. Все это не могло не вызывать подозрений. В самом подвале никаких признаков обжитого помещения. Тем временем Сироткин уже попробовал чачу: «Ох, и жжет, крепкая». Вдруг в верхнюю дверь постучали, и женщина ринулась открывать. Но я преградил ей путь и, угрожая пистолетом,

приказал сидеть. Сироткину говорю: «Собирайте быстро свой чемоданчик и уходим». Когда мы поднялись по лестнице наверх, я сделал два предупредительных выстрела и тут же открыл дверь, от которой убегали три «племянника».

Мы пошли в Дом туриста, где я прежде несколько раз останавливался, и там нашли для нас места. Так прошла эта ночь. В штабе округа я занялся сдачей отчетов, а Сироткин направился к начальнику тыла, куда вскоре звонком вызвали и меня. Когда я представился, начальник кабинета спросил:

– Вы можете показать арку двора, где был тот подвал?

Я ответил утвердительно. Позвонив в комендатуру и рассказав о нашем ночном приключении, начальник тыла попросил прислать человека, чтобы с моей помощью найти и взять под наблюдение злополучный подвал. А нам пояснил, что в городе исчезло несколько приезжих офицеров интендантской службы. Видимо, на них кто-то прицельно охотится в это голодное время, полагая, что у них есть что-то в запасе.

На следующий день меня пригласили к командующему Закавказским округом маршалу Советского Союза Ф.И. Толбухину.

– Сколько вам лет? – спросил он, когда я представился.

– В мае, во время засады на складе, исполнилось двадцать.

– А сколько прослужили?

– Три года.

Во время душевного разговора он посетовал, что и в мирное время приходится рисковать своей жизнью. Явно имея в виду тот случай на складе. Я ему объяснил, что иного варианта разоблачить грабителей не было. Далее маршал заговорил о военном житье-бытье. «Вот вы уже прослужили три года, а юноши 1928 года рождения будут призваны только осенью, когда им исполнится 20 лет. Такой порядок предписан Конституцией для мирного времени. Получается, что у нас три года не было призыва. Солдаты и сержанты 1925 и 1926 годов еще ждут демобилизации. Видимо, вам придется служить еще 3–4 года». И тут же заметил, что есть приказ присваивать звание лейтенантов в связи с нехваткой младших офицеров сержантам, прослужившим три года и хорошо себя проявившим. «В полку вас характеризуют положительно. Проект приказа у меня на столе. Если согласны, я его подпишу тотчас же, и вернетесь в Баку лейтенантом».

Я поблагодарил за доверие, но не стал скрывать, что мечтаю получить высшее образование и мне уже разрешили поступить заочно в институт, и я буду совмещать службу с учебой. Маршал похвально отозвался о моем стремлении и пожелал успехов. К сожалению, он оказался прав: служить мне пришлось еще более четырех лет, а в общей сложности почти восемь годков. Это время равно сроку учебы в институте и аспирантуре.

Месяц спустя после нашего возвращения из Тбилиси командиру нашего полка пришло письмо от коменданта Тбилиси с просьбой объявить Сироткину и мне благодарность за содействие в разоблачении банды, на счету которой значилось немало жертв.

В начале 60-х годов в Москве я случайно встретил своего бывшего замполита полка Мамаева и уверенно окликнул:

– Товарищ Мамаев?

Он пристально рассматривал меня, пытаясь вспомнить. Я помог:

– Баку, танковый полк, Валовой...

– Тот самый?

– Так точно!

– И какими судьбами в Москве?

Я рассказал, что окончил здесь аспирантуру и защитил кандидатскую диссертацию. Направили работать в новый журнал ЦК КПСС «Политическое самообразование».

Он на всякий случай записал мой телефон и, как бы между прочим, поведал любопытный эпизод. Когда я был в госпитале, к нему зашел свидетель моей «развратной» жизни, парт-орг полка, и покаялся. По его рассказам, замполит 3-го батальона пригласил его на майские праздники к знакомым, где было несколько наших полковых и десятка два незнакомых лиц, в том числе девицы. Компания собралась в доме у любовницы убитого механика-водителя. На столе изобилие спиртного и закусок. Хозяин щедро угощал. И на вопрос, откуда такое богатство, намекнул, что, мол, наши кладовщики все это продают через знакомых по дешевке, чтобы иметь деньги на дорогих проститутках. Отсюда слухи о наших с Уваровым неблагоприятных делах.

– Вы женились в Москве? Кто ваша жена?

– Да, в Москве. Она закончила Институт внешней торговли, работала немного во Внешторге. Потом окончила аспирантуру в Плехановке, защитила кандидатскую и пришла в Московский экономико-статистический институт на кафедру политэкономии, где я был аспирантом. Но познакомились мы раньше, в Ленинской библиотеке.

Мы поженились, я окончил аспирантуру, мне предложили в Москве работу. И от себя добавлю в продолжение: к моей защите кандидатской жена подарила мне дочь Татьяну, а к защите докторской – дочь Марию. За год до нашего знакомства умер ее отец, генерал-лейтенант Евгений Петрович Лапшин. В молодости он был комиссаром полка, служил на Амуре на китайской границе, когда началась коллективизация, его назначили секретарем Ленинградского райкома партии Краснодарского края. В 1936 году его направили на учебу в Высшую партийную школу при ЦК КПСС. Во время войны выполнял важные операции. Его с командой несколько раз забрасывали в тыл врага, где он корректировал действия нашей операции. Был в Берлине задолго до прихода наших войск. Генерал-лейтенант Лапшин Е.П. награжден многими боевыми орденами. В феврале 1945 года награжден орденом Ленина, а в апреле 1945 года – орденом Отечественной войны I степени.

А мама моей жены Мария Агеевна – заслуженная учительница, пережила мужа на 30 лет. И многие годы нам звонят ее бывшие ученики, ставшие известными стране деятелями. Когда появилась первая внучка, она мечтала дожить до ее похода в школу. Но, слава богу, дожила до ее поступления в аспирантуру, а второй внучки – в Московский университет им. В.М. Ломоносова.

...Когда я наконец демобилизовался, то был уже студентом четвертого курса Заочного экономического института, и меня назначили начальником планового отдела Строительно-монтажного управления союзного треста «Азнефтеэлектромонтаж». В институте нас учили: чем дешевле продукция, тем лучше! А на практике все делалось наоборот. Ради выполнения плана удорожали продукцию и стоимость работ. На линиях электропередач, где нагрузку вполне могут выдержать деревянные опоры, мы устанавливали их из стальных труб, которые в шесть раз дороже. Вместо алюминиевого провода натягивали медный, в четыре раза дороже. Но больше всего меня насторожило повторное включение в план стоимости «чужой» продукции.

Дело в том, что простые опоры для ЛЭП 6 киловольт и телефонных линий мы делали сами на объектах и включали их в стоимость в объеме выполненных работ. А сложные опоры ЛЭП 120 киловатт мы получали уже готовыми с трестовского Электромеханического завода, где они включались в объем плана завода. Мы устанавливали эти опоры и снова включали их стоимость в свой план. Стоимость таких опор составляла 50–60 процентов нашего плана. Это явная липа. Рано или поздно все это может открыться, и тогда нас по головке не погладят. Не пахнет ли здесь вредительством?.. В армии мне удалось предотвратить незаслуженную кару. А как сложится здесь? В общем, после долгих размышлений я подал заявление об уходе по собственному желанию. Начальник управления Александр Федорович Корхов внимательно выслушал меня, а затем начал успокаивать: «Так делают все, и не по злему умыслу, а ради

выполнения плана и зарплаты». Он рекомендовал мне посоветоваться с главным инженером треста Н.С. Мовсесовым, у которого есть опыт критики существующих методов планирования.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.